

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. Г. Айвазова

Модернизация как контекст гендерного равноправия

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Aivazova_Modern_Polit.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

зу «прямого действия»: в политических демонстрациях и митингах участвуют около 70 % наших респондентов, а в голосовании — несколько более 30 %.

Проведенный анализ позволяет предположить, что именно с движениями, а не с партиями в первую очередь связаны перспективы массового политического участия в нашей стране и его возможной трансформации в политическое действие. В этом случае речь может идти о появлении политики, сформулированной гражданами, предъявляющими свои требования непосредственно власти, и о перераспределении властных полномочий между государством и обществом в пользу последнего.

К сожалению, пока для большинства россиян ценности самовыражения и демократического участия, о которых пишут Р. Инглехарт и другие исследователи демократии и модернизации, не являются актуальными. Это, вероятно, связано в значительной мере и с недостаточным уровнем экономического развития, и с неразвитостью политического сознания. В такой ситуации власть, выдвигающая перед обществом цели модернизации и демократизации, должна создавать благоприятные политико-институциональные условия для массового политического и гражданского участия, поскольку никакая модернизация, в том числе и политическая, невозможна без заинтересованных и активно участвующих в ней социальных и политических акторов.

Модернизация как контекст гендерного равноправия

В последние годы в дискурсе российских политиков едва ли не преобладающим стало понятие «модернизация». Как правило, его используют, когда говорят о технологических или экономических преобразованиях. Между тем классическое представление о модернизации в политической науке связывается прежде всего с сознательными действиями по утверждению прав человека, а точнее — с обеспечением равенства всех перед законом, политическим участием граждан, политической свободой. То есть всем тем, что можно определить как расширение жизненных шансов людей. Лозунг модерна, по убеждению такого столпа политической мысли XX в., как Р. Дарендорф: «Большее количество шансов — большему числу людей». Р. Дарендорф настаивал на том, что «понятие жизненных шансов является центральным для понимания эпохи модерна»¹. И добавлял:

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. М., 2002. С. 32–33.

«Борьба за полное членство в гражданском обществе превратилась в одну из величайших тем» модернизации. Ее важнейшей составляющей является «социальное включение женщин». Дарендорф так раскрывал этот свой тезис: «Долгое время аристотелевское положение о том, что женщины “по природе”, может быть, и не люди второго сорта, но все же должны находиться у домашнего очага, а не на рыночной площади гражданской общественной жизни, господствовало в государственной философии. Движение суфражисток привязало требование гражданских прав к вопросу об избирательном праве и в конце концов... добилось успеха в большинстве развитых стран. Однако дискриминация, превращающая женщин в “граждан второго класса”, сохранилась и сохраняется до сих пор. Ее формы изощренны и малозаметны, но весьма заметно их действие»¹. Именно поэтому требования полноты гражданских прав для женщин, вообще проблематика гендерного равенства являются частью модернизационных процессов.

Задолго до Р. Дарендорфа глубинный, сущностный смысл взаимосвязи между модернизацией общества и наделением гражданскими права не только мужчин, но и женщин всерьез интересовал знаменитого русского философа Н. А. Бердяева, писавшего, что «женская эмансипация, конечно, является симптомом кризиса рода, надлома в поле... Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи»². К числу главных проявлений модернизации общества, наряду с промышленной революцией, урбанизацией, развитием образования, относил проблематику прав женщин и один из основателей социологии немецкий философ Георг Зиммель³.

Каждый из этих философов, осмысляя феномен модернизации, по-своему вел речь о гигантском социальном сдвиге, суть которого заключается в радикальном пересмотре одного из базисных принципов общественного устройства. Тысячелетиями мир и порядок, включая отношения мужчин и женщин, брак, семью, любовь, покоились на принципе иерархического подчинения сакральному мужскому авторитету — авторитету отца-вседержителя, будь то монарх, диктатор — отец нации или глава семейства. Но этот устоявшийся порядок вещей взорвался под сокрушительным натиском великих бур-

¹ Там же. С. 51–52.

² *Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества.* М., 1989. С. 418.

³ *Simmel G. Philosophie de la modernite.* P., 1989. P. 159–161.

жуазных революций. Эти революции провозгласили наступление новой эры — эры прав человека, отрицая тем самым незыблемость полного и якобы освященного небесами всевластия монарха над подданными, мужчины — над женщиной. И в противовес былым представлениям заявили о свободе и равенстве всех (подчеркнем — всех) людей перед законом.

Такой подход в интенции предполагает пересмотр самой совокупности властных отношений. Из отношений господства/подчинения, или субъект/объектных отношений, они должны превратиться в отношения субъект/субъектные. Проще говоря, это означает, что любой властитель — монарх, начальник, хозяин или муж — развенчивается: он перестает быть и (что тоже очень важно) ощущать себя властителем подчиненных, которые при традиционном укладе принадлежат ему душой и телом. Он превращается в простого исполнителя определенных функций в совершенно иной системе разделения труда, предусматривающей не владение другим человеком, а управление конкретным процессом. Его взаимодействие с подчиненными в конечном счете всего лишь согласованное распределение ролей, обязанностей между различными, но равными субъектами. В этом изменении характера власти и одновременно ее разделении, т. е. перераспределении полномочий между различными ветвями власти, государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами, по большому счету, состоит суть модернизации общественных систем, их демократического переустройства.

Таким образом, с постановки вопроса о правах человека, равенстве всех людей перед законом начинаются перемены во взглядах на назначение женщин, оценке их роли в обществе, наконец, их статусе, который при традиционном порядке держится на их функции продолжательниц рода. Эти перемены происходят трудно, мучительно. Ведь в интенции речь идет о возникновении совершенно новой, по определению известного мыслителя Б. Парамонова, «нерепрессивной культуры», которая, как он справедливо отмечает, стала «подлинной темой двадцатого века, вне всякого сомнения, переходящей в двадцать первый»¹. Возникновение «нерепрессивной культуры» призвано завершить модернизацию, что предполагает включение в демократический процесс всех без исключения членов общества, а значит, и женщин.

¹ Парамонов Б. М. Конец стиля. М., 1998. С. 66.

В ходе этих перемен для их осмысления постепенно формулируется концепт гендерного равноправия¹. Он складывается в недрах сначала феминистских, а затем гендерных исследований, которые оцениваются методологами науки как одна из стремительно развивающихся отраслей современного общественного знания. Гендерные исследования все шире захватывают и поле политической науки. В последние десятилетия эти исследования позволили обнаружить, что гендер является центральным организующим принципом общества — он создает разные социальные статусы людей, наделяет их теми или иными правами и обязанностями, обозначает для них тот или иной коридор социальных возможностей. В качестве конститутивного элемента общественных отношений, основанного на воспринятых различиях между полами, гендер пронизывает собой все другие общественные институты — экономические, социальные, политические.

Внимательное прочтение истории под этим углом зрения позволяет обнаружить, что все институциональные структуры — закон, политика, религия, государство, экономика, как правило, гендерно иерархичны — изначально они были созданы мужчинами и все еще подчинены им. Но та же история доказывает, что определения «женственности» и «мужественности», нормативные установки относительно гендерного различия и деятельности, считающейся подходящей для мужчин и женщин, меняются в зависимости от ситуации и контекста. В гендерных отношениях либо воспроизводятся паттерны господства/подчинения, либо возникают новые логики гендерного равноправия, характерные для современной эпохи, эпохи модерна. Новые правила начинают складываться тогда, когда под воздействием модернизации женщины вступают в ранее закрытые для них сферы общественной деятельности — экономическую и политическую.

Итак, развитие гендерной теории происходит как реакция на модернизацию и ее осмысление представителями самых разных направлений общественной мысли — философами, социологами, историками, политологами и т. д. На нынешнее состояние гендерной теории серьезное воздействие оказали очень многие из них. Особым образом

¹ Один из самых авторитетных социологов современности Энтони Гидденс объясняет, что гендер — это «не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности». Гендер, по его словам, означает прежде всего «социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин». См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 665.

на нее повлияли, в частности, идеи крупнейшего французского философа современности Мишеля Фуко, разработавшего «капиллярную» теорию власти, а также теоретиков постструктурализма Жака Лакана, Жака Деррида, Жилия Делеза и др. Благодаря их влиянию произошло определенное смысловое приращение к обоснованию идей гендерного равноправия, возникла новая трактовка базовых для этих исследований понятий «равенство» и «различие». Переопределение термина «различие» сопровождалось рядом принципиально значимых уточнений — «различие» стало раскрываться не как маргинальность, исключение из культуры гражданственности, не как отклонение от нормы, а как некая особая ценность. В этой парадигме любой Другой (иная субъектность) получает возможность претендовать на полновесный гражданский статус. За Другим признается право на полноценное существование в публичной политике. На этой основе формулируется важнейший для прочтения эпохи модерна тезис о многогранности, многоликости, пестроте современного политического пространства, которое держится в напряжении не одним — центральным — конфликтом, не одним противоречием — классовым, расовым или национальным, — а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых.

Понятие «субъектного разнообразия» стало смыслообразующим для современных гендерных исследований, поэтому остановимся на нем чуть подробнее. Раскрывая его содержание, известный теоретик Джоан Скотт поясняет: «Современные теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти. Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существуют без Другого; включенности не существует без исключенности, универсального — без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтения ни одной из точек зрения, за которыми стоят чьи-то интересы. Власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях. Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент»¹. Гендерная теория сумела доказать, что «история субъекта является историей его/ее идентификаций»².

¹ Скотт Дж. Отголоски феминизма // Гендерные исследования. Харьков, 2004. № 10. С. 11, 25.

² См. подробнее: *Муфф Ш.* Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков; СПб., 2001. С. 216.

Признание «субъектного разнообразия» фактически взорвало классическое либеральное представление о некоем «универсальном» субъекте публичной политики, который на поверку оказывался «состоятельным белым субъектом мужского пола». Концепт субъектного разнообразия подводил к совершенно новому пониманию политики. В его рамках доказывалось, что политика может и должна строиться не путем исключения Другого, а, напротив, путем его включения, наделения гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом, ставился под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно возможный при отправлении властных отношений, что, в свою очередь, расширяло поле возможностей для освоения сетевых форм коммуникации.

Данный концептуальный подход получил признание и в серьезных работах по политической теории современности, и в специальных стратегиях институциональных изменений, направленных на преодоление гендерной дискриминации и достижение не только юридического, но и фактического равноправия женщин. Такого рода стратегии были, в частности, предложены международными организациями — ООН, Советом Европы и др. — для преодоления неравенства «жизненных шансов» мужчин и женщин. Все они были объединены общим понятием стратегии «позитивных», или «аффирмативных», действий¹ по искоренению дискриминации женщин, выраженной самыми очевидными показателями. К этому времени, по данным ООН, женщины всего мира выполняли $\frac{2}{3}$ совокупной работы, получали $\frac{1}{10}$ совокупных доходов, владели $\frac{1}{10}$ собственности, составляли $\frac{2}{3}$ неграмотных². Такое масштабное неравенство, по убеждению экспертов международных организаций, тормозило и продолжает тормозить процесс модернизации в рамках мирового сообщества.

Одной из самых законченных и логически выстроенных считается стратегия достижения «паритетной демократии». В ее основе лежат теоретические разработки, служившие подготовительными материалами для таких значимых международных документов в области защиты прав женщин, как, скажем, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Она была принята

¹ Анализ этих стратегий см.: *Поленина С. В.* Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. М., 2005; *Шведова Н. А.* Просто о сложном. Гендерное просвещение. М., 2002.

² The World's Women 2005: Progress in Statistics. URL: http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/indwm/ww2005_pub/English/WW2005_text_complete_BW.pdf.

ООН в 1979 г. и впервые на международном уровне поставила вопрос о правах женщин как неотъемлемой части прав человека. В числе прочих мер, Конвенция обязывала все государства, которые в ней участвуют, включить принцип равноправия мужчин и женщин в Конституции и другие законодательные акты своих стран и добиваться его практической реализации. Одна из рекомендаций этой Конвенции относилась к использованию особых мер и процедур («позитивные» или «аффирмативные» действия), способствующих фактическому выравниванию статуса мужчин и женщин. В числе прочего в Конвенции шла речь о выделении специальных квот для женщин в представительных или законодательных органах и структурах исполнительной власти, списках кандидатов в депутаты, руководящих органах партий, движений для достижения их реального равноправия в поле политики.

Следующий пакет документов, принципиально значимых для утверждения гражданского и политического равноправия женщин, был сформирован в ходе подготовки к Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, которая состоялась в сентябре 1995 г. в Пекине. На одном из предшествовавших пекинской встрече региональных совещаний, происходившем в октябре 1994 г. в Вене, и произошло обсуждение стратегии «паритетной демократии». Она была разработана Комитетом по равенству между мужчинами и женщинами и Департаментом прав человека, которые действуют в структуре Совета Европы. Стратегия вобрала в себя идеи и предложения, выдвинутые в те годы женскими организациями западноевропейских стран. Эти организации требовали от своих правительств и руководящих органов Европейского сообщества принятия конкретных мер по обеспечению реального равноправия женщин в структурах власти. Главный лозунг этого времени — «паритет», представительство женщин и мужчин в структурах власти по формуле «50/50».

Для авторов стратегии «паритетной демократии» отправными были три тезиса. Во-первых, тезис о том, что человечество состоит из мужчин и женщин, которые обладают равным достоинством и равной ценностью. Во-вторых, о том, что демократия является подлинной только в том случае, если люди принимаются такими, какими они являются в действительности, — не абстрактными, бесполоыми существами, а мужчинами и женщинами, каждый и каждая из которых могут быть по-своему полезны обществу. В-третьих, о том, что подлинная демократия предполагает полноценное участие женщин на основе равенства с мужчинами на всех уровнях и во всех областях функционирования общества. Из этих постулатов делался сле-

дующий вывод: участие каждого пола в органах управления должно осуществляться на паритетной основе, при этом цель — подойти к соотношению 50 на 50 %. По убеждению сторонников паритетной демократии, в результате ее установления возникнет реальная основа для устойчивого развития мирового сообщества. Женщины получат возможность наравне с мужчинами вносить свой вклад в дела общества — его экономику, политику, культуру. Мужчины, в свою очередь, станут больше заниматься семейными делами, воспитанием детей.

Предполагалось, что стратегия «паритетной демократии» будет обсуждаться на Пекинской конференции. Но организаторы конференции сочли эту проблематику опережающей время. Они были вынуждены считаться не только с мнением ее участников от западноевропейских стран, но и с позицией исламских государств, Святейшего престола (Ватикана), активно участвовавших в подготовке пекинской встречи. Разрыв между уровнями требований представителей женских организаций и государств — членов ООН из разных регионов мира оказался в Пекине столь значимым, что заставил организаторов конференции отказаться от слишком продвинутых установок теоретиков женского движения.

Вместо стратегии «паритетной демократии» Пекинская конференция приняла другие документы — «Пекинскую декларацию» и «Платформу действий». В этих документах тем не менее говорилось о гендерном равенстве как об основном векторе развития мирового сообщества в XXI в., а также о необходимости более широкого включения женщин в процесс принятия решений, результатом которого должно стать общее расширение коридора социальных возможностей для женщин во всех сферах общественной жизни.

Пекинская конференция рекомендовала правительствам государств — членов ООН добиваться равного представительства женщин и мужчин в правительственных органах, государственно-административных структурах, судебных инстанциях, при необходимости путем квотирования. Политическим партиям было рекомендовано рассматривать проблемы гендерного равноправия в своих политических программах и одновременно принимать меры, обеспечивающие участие женщин в их руководящих органах на равных основаниях с мужчинами. В числе других стран — участниц ООН Россия подписала эти документы Пекинской конференции.

Правительства целого ряда стран серьезно восприняли данные рекомендации международного сообщества и попытались с помощью специальных законодательных актов и практических мер обеспечить баланс в гражданских и политических позициях мужчин и женщин.

Один из законов такого типа был принят, например, 6 июня 2000 г. Национальным собранием Франции. Закон назывался «О паритете между женщинами и мужчинами» и был направлен на обеспечение паритетного, т. е. абсолютно равного — 50/50 — представительства женщин и мужчин на всех выборных должностях.

Подчеркнем, что Франция не была исключением из правил. В начале XXI в. гендерные квоты стали действующей нормой регулирования политического представительства женщин почти в половине стран, входящих в систему ООН. Они были закреплены либо в партийных уставах, либо в избирательном законодательстве и конституциях не только европейских, но и латиноамериканских, азиатских и африканских стран¹. 30-процентная норма гендерного представительства утверждена, например, в Законе о квотах Аргентины, который, в отличие от французского Закона о паритете, предусматривает за ее нарушение такую серьезную санкцию, как отклонение любого избирательного списка. Такая же норма и соответствующая санкция за ее нарушение предусмотрены сейчас и в избирательном законодательстве («Кодексе о выборах») Киргизии.

Можно с полным основанием утверждать, что теоретические разработки в рамках гендерных исследований, так же как стратегии «аффирмативных действий», со своей стороны, создавали предпосылки для повышения «жизненных» шансов женщин в мировом сообществе. Сама проблематизация их положения в условиях модернизации спровоцировала острую общественную дискуссию, по-своему обеспечившую «прорыв» женщин в прежде закрытые для них сферы публичной политики, органы законодательной и исполнительной власти. Этот прорыв символически означал трансформацию системы властных отношений в сторону усиления гендерного равноправия. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют фактические данные. Возьмем, к примеру, Великобританию. Парламентские выборы 1983 г. привели в палату общин 19 женщин, их доля составила тогда 3 % от общего числа парламентариев. Аналогичные выборы 2005 г. обеспечили женщинам уже 19,5 % парламентских мест (126 из 646 депутатов). Выборы 1980 г. позволили пройти в палату представителей конгресса США только 19 женщинам, что составило около 4 % от общего числа конгрессменов. Выборы 2006 г. обеспечили женщи-

¹ Подробнее см.: *Степанова Н. М.* Гендерные квоты — стратегия продвижения женщин в органы власти. Доклад на Всероссийской конференции РАПН — декабрь 2004 г. // *Женщина в российском обществе.* 2004. № 3–4. С. 26–32.

нам 16,8 % мест (73 из 435 депутатов)¹. Тогда же спикером конгресса впервые в истории США была избрана женщина. Этот пост заняла конгрессмен от Демократической партии Нэнси Пелоси.

В канун 8 Марта 2008 г. Еврокомиссия подготовила доклад «Мужчины и женщины в принятии решений», в котором анализировалось состояние дел с равноправием полов в высших эшелонах власти объединенной Европы. Доклад констатировал, что в настоящее время среди тех, кто занимает высшие государственные должности в странах — участницах ЕС, 33 % составляют женщины. А в 1999 г. их было только 17 %. За этот же период доля женщин на схожих должностях в структурах самой Еврокомиссии увеличилось с 14 до 20 %².

Происходящий на наших глазах прорыв женщин в сферу политического представительства в странах «старой» демократии можно расценивать как знак легитимации, принципиального согласия общества на новые роли женщин, в том числе и на их участие в политике. Но сходный процесс происходит и в странах, где демократические процедуры только утверждаются либо имитируются. В марте 2008 г. генеральный секретарь Межпарламентского союза Андерс Джонсон в своем докладе представил так называемую карту участия женщин в политике. Отметив, что по уже сложившейся традиции почти половину мест в законодательных органах своих стран имеют представительницы Скандинавии, он обратил внимание на то, что лидерство по числу женщин в парламенте, начиная с 2005 г., остается за Руандой. В этой стране, где громадное число мужчин погибло в ходе недавней гражданской войны, женщины занимают 48,8 % депутатских кресел, тогда как в Швеции среди парламентариев только 47 % женщин, а в Финляндии — 41,5. Около 40 % женщин насчитывается также в парламентах Бурунди, Новой Зеландии и Танзании³.

Женщины осмеливаются конкурировать с мужчинами и в борьбе за должности глав государств. Во второй половине XX в. в разное время 76 женщин в 56 государствах занимали посты премьер-министров или президентов. Первое десятилетие XXI в. отмечено особыми женскими победами. В 2006 г., например, женщины возглав-

¹ См.: *Гидденс Э.* Указ. соч. С. 311, а также данные Межпарламентской ассамблеи Европы на 30 ноября 2010 г. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm>.

² *Айвазова С.* Российские выборы: гендерное прочтение. М., 2008. С.18.

³ Руанда и Швеция по-прежнему лидируют по числу женщин-депутатов. 29.02.2008. URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=9219>.

ляли 11 государств¹. В тот момент на пост президента Финляндии была переизбрана Тарья Халоннен. Канцлером Германии стала Ангела Меркель, президентом Чили — Мишель Бачелет, Либерии — Эллен Джонсон-Серлиф, Латвии — Вайра Вике-Фрайберге и т. д. В 2007 г. в числе глав государств, пришедших к власти на высшие государственные посты — президента или премьер-министра (всего 71 человек), было пять женщин: генерал-губернатор Антигуа и Барбуда Луиза Лейк-Так, президент Аргентины Кристина Киршнер, Индии — Пратибха Патил, Швейцарии — Мишлен Кальми-Рей, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко². На пост президента Франции в 2007 г. претендовала социалистка Сеголен Руаяль, на пост президента США в 2008 г. — представительница Демократической партии, бывшая первая леди страны Хиллари Клинтон.

Согласно данным Межпарламентского союза на конец мая 2009 г., по показателю представленности женщин в национальных парламентах Россия находилась на 81-м месте среди 188 стран, имеющих органы законодательной власти³.

На неблагоприятные ситуации с обеспечением гендерного равноправия в России указывают и доклады «Глобальный гендерный разрыв», которые, начиная с 2005 г., ежегодно публикуют аналитики Всемирного экономического форума в Давосе⁴. По особым критериям они рассчитывают рейтинг ситуации с разрывом жизненных шансов, которые существуют у мужчин и женщин в 134 странах (по данным на 2009 г.), доказывая при этом, что глубина гендерного разрыва чревата кризисами в модернизационном развитии и неэффективностью управления. В числе показателей разрыва значатся экономические возможности мужчин и женщин, доступ к образованию, здравоохранению, участие женщин в политике, общественной и государственной деятельности, а также продолжительность жизни

¹ В их числе: Бангладеш, Германия, Ирландия, Латвия, Либерия, Мозамбик, Новая Зеландия, Сан-Томе и Принсипи, Финляндия, Чили, Филиппины.

² Альманах издательского дома «Коммерсантъ». Первый рейтинг главных событий и тем 2007 года. 2008. 14 янв. С. 94–95.

³ Следует учитывать, что данный расчет велся только по показателю представленности женщин в Государственной думе — нижней палате Федерального собрания РФ — после выборов 2007 г. В другой его палате — Совете Федерации женщин еще меньше: 8 из 169 сенаторов, что составляет 4,7 % от его состава.

⁴ The Global gender gap. Report 2007. World Economic Forum. 2007; Ibid. Report 2008. World Economic Forum. 2008; Ibid. Report 2009. World Economic Forum. 2009; Ibid. World Economic Forum 2010.

и пропорциональное соотношение полов среди населения той или иной страны. При этом особо подчеркивается, что речь идет не о качестве жизни женщин в стране, а об их возможностях по сравнению с мужчинами.

Согласно докладу WEF 2009 г., лидером данного рейтинга стала Исландия. В этой стране, по мнению аналитиков WEF, минимизирована разница в возможностях мужчин и женщин в различных областях общественной жизни. Следом за Исландией располагаются Финляндия, Норвегия и Швеция. Благоприятная ситуация с гендерным равноправием сложилась в Германии (12-е место) и Великобритании (15-е место). Франция и США заняли соответственно 18-ю и 31-ю позиции. Невысокое место США аналитики WEF объясняют недостаточным участием женщин в предпринимательской деятельности. На последнем месте в докладе 2009 г. оказался Йемен.

По данным доклада «Глобальный гендерный разрыв» за 2007 г. Россия в гендерном рейтинге по совокупным показателям занимала 45-е место. В докладе 2008 г. ей отвели чуть более почетное 42-е место. Однако в рейтинге 2009 г. страна опустилась вниз — уже до 51-го места. Сразу вслед за Россией в этом рейтинге числятся Словения — 52-е место, Македония — 53-е место, Хорватия — 54-е место, Украина — 61-е место. Согласно расчетам аналитиков WEF, основная проблема нашей страны заключается не столько в необходимости обеспечения равных возможностей мужчин и женщин в экономической сфере, где соответствующие показатели лучше, чем во многих странах, сколько отчетливо выраженная проблема политических возможностей и представленности женщин в выборных органах власти. По показателю обеспечения экономических возможностей женщин по сравнению с мужчинами в 2009 г. Россия оказалась на 24-м месте в общем рейтинге 134 стран, по показателю возможностей в сфере образования — на 29-м; по показателю возможностей в сфере здравоохранения — на 41-м; по показателю политических возможностей — только на 99-м.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что всего лишь за двухлетний промежуток времени с 2007 по 2009 г., правда, пришедшийся на мировой экономический кризис, шансы российских женщин по сравнению с шансами мужчин снизились по всем показателям «гендерного разрыва». В частности, по показателю «экономические возможности» мужчин и женщин в 2007 г. Россия занимала 18-е место; в 2009 г. — лишь 24-е, по показателю «политические возможности» мужчин и женщин в 2007 г. она находилась на 93-м месте, а в 2009 г. — всего лишь на 99-м.

Вполне закономерно может возникнуть вопрос: почему вдруг аналитиков WEF, да и других международных экономических и поли-

тических структур, стала волновать тема гендерного равноправия? В одном из докладов, подготовленных для Национального разведывательного совета США, мы находим следующий ответ на этот вопрос: «Достижение равенства полов сулит значительные выгоды, причем не одним только женщинам. Все больше авторов с цифрами в руках доказывают, что реализация этого равенства в образовании стимулирует экономический рост, снижает детскую смертность и недоедание»¹. Подчеркнем, что этот ответ дает вовсе не специалист в области гендерной теории или убежденная феминистка, а аналитик специализированной силовой структуры. В этом же докладе он отмечает, что к 2020 г. женщины завоюют множество прав и свобод, в большинстве стран расширится их доступ к образованию, участию в политической жизни, они добьются новых успехов в борьбе за равноправие в сфере труда. Однако, по данным ООН и Всемирной организации здравоохранения, к тому времени неравенство полов до конца не исчезнет даже в развитых странах и будет все еще значительным в странах развивающихся². Среди факторов, препятствующих реализации гендерного равноправия, автор доклада называет исторически сложившиеся патриархальные традиции, которые способны всерьез обострять проблему конкурентной борьбы за ограниченные общественные ресурсы. Среди факторов, способствующих утверждению гендерного равноправия, модернизацию, включающую обширную программу преобразований, важное место занимают распространение информационных и коммуникационных технологий, которые могут открыть перед женщинами новые перспективы в сфере занятости, реформу управления, нацеленную на децентрализацию и расширяющую полномочия местных органов власти, в которых все активнее будут участвовать женщины³.

Каковы с этой точки зрения перспективы выравнивания жизненных шансов женщин и мужчин в России?

Президент страны Д. А. Медведев сразу же после своего избрания на этот пост в 2008 г. заявил о том, что правовой нигилизм является одной из острейших проблем развития России. Развивая эту мысль президента, будет уместно напомнить о том, что в нарушение многих международных договоров, подписанных Россией (включая совсем недавний документ — одобренный Государственной думой 2 июня

¹ Шубин А. Россия-2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. М., 2005. С. 62.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 60–61.

2004 г. Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин), в России нет национальных механизмов и процедур, способных не только юридически, но и фактически проводить политику, направленную на сокращение того гендерного разрыва, на наличие которого указывают, в частности, аналитики Всемирного экономического форума, а главное, выполнять положения действующей российской Конституции, которая содержит в числе прочего нормы гендерного равноправия. Сохраняющийся дисбаланс социальных возможностей женщин и мужчин в первую очередь сказывается на повседневной жизни российских женщин — их зарплатах, пенсиях, пособиях для детей.

В стране нет и серьезной общественной дискуссии по связанным с этим проблемам. В ее отсутствие принимаются политические решения, не согласующиеся с логикой тех глубинных повседневных практик, которые определяют социальную реальность. Это значит, что существующая ситуация гендерного неравенства не разрешается, а загоняется вовнутрь, прорываясь в совершенно неожиданных сферах и областях. Например, в условиях правовой незащищенности, дискриминации по признаку пола женщины «вдруг» перестают рожать, отказываются воспитывать детей, откладывают на более поздние сроки вступление в брак или вообще начинают избегать официально зарегистрированных браков. Маститые эксперты рассуждают о кризисе семьи, демографическом кризисе, а дело прежде всего в необходимости полноценного и гарантированного соблюдения прав женщин и мужчин.

С другой стороны, слабая представленность женщин в сфере политики, зафиксированная не только отечественными специалистами¹, но и аналитиками WEF и других международных организаций, имеет своим следствием воспроизводство традиционалистской, «подданнической», а не современной, гражданской и демократической, политической культуры. Поскольку политика для большинства женщин остается совершенно чуждой, далекой от их жизненных стратегий сферой, то в массе своей их политическое поведение оказывается продиктованным вовсе не рациональным выбором, а аффектом, повышенной склонностью к конформизму, нежеланием задумываться над тем, что происходит где-то вне пространства их повседневной жизни. Но ведь именно женщины, носительницы этой культуры, являются в России основными агентами социализации подрастающего

¹ См., в частности: *Айвазова С.* Российские выборы: гендерное прочтение. М., 2008.

поколения, и в процессе воспитания они неизбежно транслируют ему эти «подданнические» нормы. Учитывая эти обстоятельства, можно с полным основанием утверждать, что гендерное неравенство в сфере политики является одним из самых существенных препятствий, или блокировок, на пути политической модернизации России.

Почему партии, полагающие себя демократическими, не задают себе этих вопросов хотя бы из прагматических соображений с целью победы в борьбе за голоса избирателей — понять сложно. Вероятно, логика мужского доминирования в этом случае перевешивает прагматику. Эта логика, по большому счету, оказывается более значимым мотивом их политического выбора, чем осознанная потребность учитывать и развивать принципы современной демократии, в том числе принцип равных возможностей участия в политике всех граждан, независимо от пола, и потребность рассматривать паритетное представительство женщин в структурах власти в качестве одного из индикаторов справедливости и равенства в обществе.

Авторитетный американский политолог Чарльз Тили, рассуждая о характерных для эпохи модерна процессах демократизации и дедемократизации, справедливо отмечал, что эти процессы обеспечиваются тремя группами изменений, в том числе «нарастанием или ослаблением... *основных категориальных неравенств*» в сфере публичной политики¹. И разъяснял: «Социальное неравенство задерживает демократизацию и подрывает демократию в двух случаях: первое — когда устойчивые различия... превращаются в обычное категориальное различие по расе, полу, классу... во-вторых, когда эти категориальные различия прямо претворяются в публичную политику»². В свою очередь, понятие «неравенство» Тили раскрывал как «отношения между лицами или группами лиц, когда в результате их взаимодействия одна группа получает большие преимущества, чем другая»³. И до тех пор, пока неравенство преимуществ, т. е. неравенство прав и жизненных шансов мужчин и женщин будет предопределять характер принятия государственных решений, Россия, несмотря на все многообещающие модернизационные проекты и «инновации», останется страной, в которой влияние образцов и норм традиционной политической культуры явно перевешивает силу права как основного, неотъемлемого атрибута модернизации.

¹ Тили Ч. Демократия. М., 2007. С. 40.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 137.